

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 821.511.2:929(470.111+571.122)

Юрий Вэлла:
литератор, просветитель, оленевод

Жулева А.С.¹

Аннотация. Статья посвящена творчеству и жизненному пути ненецкого поэта и прозаика Юрия Вэллы (Айваседы). Рассматриваются генезис, мифопоэтика произведений, их смыслообразы и дискурс. Определена специфика мировоззренческих установок, жизненного опыта автора. Движущая идея – поиск путей сохранения и развития языков, литератур, духовных и материальных традиций народов Севера.

Ключевые слова: литература ненцев, фольклор, Юрий Вэлла, мифопоэтика, культурные парадигмы, биографический аспект.

Iurii Vella:
literator, educator, reindeer herder

Zhuleva A.S.¹

Abstract. The article is devoted to creativity and way of life of the Nenets poet and novelist Yuri Vella (Ayvaseda). We consider the genesis and mythopoetics of his works, their semantic and discourse. The article defines the specifics of worldview attitudes and life experiences of the author. The driving idea - to find ways of preservation and development of languages, literatures, material and spiritual traditions of the peoples of the North.

Keywords: literature, folklore, Yuri Vella, mythopoetics, cultural paradigm, biographical aspect.

¹Жулева Альбина Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. ул. Поварская, 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация.

Zhuleva Al'bina Sergeevna, Candidate of Science (History), Senior Researcher of Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences. Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russian Federation.

E-mail: aswjas08@rambler.ru

© А.С. Жулева

«Смятенье чувств кружит водоворотом»
Ю. Вэлла

Ненецкий поэт и прозаик Юрий Вэлла (Айваседа) (1948—2013 гг.) «на сломе веков и традиций» активизировал самосознание как своего, так и других издревле живущих на Севере народов, воплощая в творчество и в свою жизнь так называемое ролевое жизнетворчество, совмещал в одном лице литератора, мыслителя, общественного деятеля и образцового оленевода. Он сам созидал «картину мира», мифологизируя собственную личность и судьбу, воссоздавая уходящие культурные парадигмы. Вдохновляемый идеей сохранения и развития духовного и материального наследия укорененных в суровых природных условиях жителей Севера, Вэлла жил в постоянном поиске путей и возможностей развития художественного слова и языков, традиционных мировоззренческих установок, укрепляющих дух и волю, способствующих жизнестойкости, рождению чувства сопричастности природе. Создавая свои произведения, Юрий Вэлла искал и находил художественные формы, основанные на веками развивающейся устной поэзии ненецкого и соседствующего с ним хантыйского народа, язык и фольклор которых были ему знакомы, опирался на опыт зачинателей этих литератур, а также на русскую и мировую поэзию и прозу.

Юрий Кылевич Айваседа выбрал себе творческий псевдоним Вэлла, подчеркнув тесную связь с отцовским родом.

Он появился на свет в семье оленевода Кыли Айваседы (из рода Вэллы) в стойбище на берегу реки Варьеган вблизи селения с тем же названием. В краткой автобиографии, написанной в 55 лет, он рассказал о месте своего рождения: «Между Варьеганом и Новоаганском есть шоссейный мост. Если от моста пройти четыреста метров на северо-запад, можно найти старые, замшелые, но высокие пеньки — здесь было стойбище ненца Айваседы (Вэллы) Кыли». Когда-то крупное стойбище не устояло в годы социальных перемен, было разорено, покинуто ненцами. Однако сильная духом, не растерявшая даже после смерти деда, бабушка Ненги вернулась вместе с детьми на стойбище родителей. В автобиографии выразительно представлено суровое смутное время потери личных оленей и объединения ненцев в колхозы: «Во времена Международного Покраснения, в поисках Колхозного Счастья, полупешком пришли они вместе с родом Айваседы под деревню Варьеган и здесь в 1951 году съели последнюю личную важенку».

Детские годы поэт вспоминает кратко, лишь называя отпечатавшиеся на всю жизнь некоторые события: «Я, как и многие северные дети, прошел через детский сад (помню смерть Сталина), прошел через интернат (помню космический полет Первого Спутника и Юрия Гагарина)».

Поэт постоянно в жизни и в произведениях упоминал о судьбоносном благотворном влиянии Ненги, бабушки со стороны отца. В эссе «Молчание» он описывает реальное явление чуда, которое происходило с ним иногда в детстве при общении с бабушкой. Это был необъяснимый для него способ влияния бабушки на его видение мира, бессловесная беседа как продолжение только что состоявшегося разговора. Они могли идти берегом реки и вести беседу, но бабушка вдруг останавливалась, опускала «свою корявую, лёгкую, иссушенную руку» на голову мальчика и замолкала. Удивление вызывало то, что она «незримо-неслышно» передавала свои ощущения окружающего, «свое восприятие мира». И он начинал видеть её глазами залитую солнцем прохладную реку, «слышал её ушами дальше курлыканье журавлей за болотом», больше того, начинал «воспринимать её сердцем наше стойбище и каждый звук, каждый шорох, каждый вздох в нём».

Здесь речь идет, вероятно, о возникшей у всех народов еще в глубокой древности вере в возможность

непосредственной бессловесной передачи мысли. Как известно, мысль — более высокая форма сознания, чем чувственное восприятие. Она является результатом гармоничной и последовательной деятельности миллионов связанных между собой нервных клеток. Эта связь является сложной, вырабатывается в процессе жизненного опыта и поэтому носит индивидуальный характер. Она недостаточно изучена. Можно лишь предположить, что воздействие бабушки на мальчика было столь велико, что возникло отражение ее внутренних чувствований и передача мысли.

В «Посвящении читателю», предворяющем его книгу «Белые крики» (Сургут, 1996), Юрий Вэлла рассказал потенциальному читателю о необычном способе, который придумала его бабушка Ненги для знакомства внуков со старинным фольклором, язык и содержание которого были уже непонятны, незнакомы детям. Ненги традиционно пела сказки, перебивая пересказом-переводом содержания на современный разговорный язык. Она называла свой прием «пешей речью». Вэлла предположил, что именно этот прием сочетания пения и «пешей речи» и лег в основу его творчества — смеси прозы со стихами. «Трезвые прозаические куски как бы дополняют, разъясняют более эмоциональные поэтические строки. Поэтому, наверное, творческий язык мой — это ненецко-хантыйско-русский язык в ненецко-хантыйско-русской форме», — размышлял автор в предисловии.

Юрий Вэлла писал на ненецком, хантыйском и русском языках. Некоторые его произведения малой прозаической формы написаны в духе «опрошенных», «народных» рассказов-зарисовок являются «невывышенной прозой». Такова миниатюра «Весть с Ватьёганского стойбища» где автор-повествователь рассказывает ненецкому оленеводу, соучаствующему в диалоге посредством восклицаний, выражающих то сочувствие, то удивление, то испуг, как Старый Устия из рода Айваседы, в начале зимы ехал на оленях по замерзшему озеру и провалился в котлован, заполненный нефтью. Содержание миниатюры-диалога — прямое назидание осваивающим Север нефтяникам, порой загрязняющим местные болота, недостаточно внимательным к жителям местного края, к его экологии.

Общественная деятельность Айваседы была постоянно направлена на сохранение природы северного края,

возрождение культурных ценностей, как своего народа, так и народов-соседей ханты. Он был членом ассоциации «Спасение Югры», где принимал активное участие, оказывал значительное воздействие на решение вопросов сохранения этнической самобытности, среды обитания, уклада жизни, культуры народов. Для сохранения и развития языков и решения насущных проблем он организовал издание газеты «Новая жизнь», где был и редактором, и издателем. Был назван жителями почетным гражданином Нижневартовского района, в основном за создание в поселке Варьёган этнографического парка-музея под открытым небом, к созданию которого, сбору материала приобщил не только район, но и округ. Юрий Айваседа и его жена Елена в 1985 году стали первыми собирателями и хранителями музея. Постепенно музей пополнялся привезенными из стойбищ и селений жилыми и хозяйственными постройками, предназначенными для зимнего и летнего времени года, для оседлого и кочевого образа жизни. На территории современного музея-парка имеются разнообразные священно-культурные сооружения, например, деревянный сруб для хранения медвежьих костей. Представлены многочисленные и разнообразные традиционные средства передвижения северян, такие как нарты, лодка-долбленка (облас), которая изготавливается из цельного дерева кедра или осины.

Юрий Айваседа, убедившись в эффективности работы музея, передал музейное дело в другие руки и решил на собственном примере убеждать ненцев и ханты в перспективности и важности оленеводства. Поселившись вместе со своей семьей в стойбище в ста двадцати километрах от Варьёгана, занялся традиционным для его рода разведением и сохранением оленей.

Литературная и общественная деятельность Вэллы (Айваседы) была отмечена современниками, жителями края: в 2008 году он стал лауреатом Всероссийской литературной премии им. Д.С. Мамина-Сибиряка; в этом же году награжден нагрудным знаком Думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «За содействие в развитии законодательства».

Относящиеся к литературе достоверности, наполненные прямым обращением к читателю стихотворные и прозаические тексты Вэллы — яркое, открытое проявление гражданской позиции. Однако он стремился уйти от прямого назидания,

проявить свои идеи через условный характер. В рассказе «Шай-ики» сюжет развивается благодаря дорожным неожиданностям и ставшей судьбоносной непредвиденной встрече. Воплощая идею о сохранении традиционной культуры оленеводства и экологии северного края, в частности, лесотундры, эксплицитный автор постоянно вступает в своеобразный диалог с прошлым, формируемый настоящим, погружает читателя в жизнь оленевода, романтизируя быт и традиции, усиливая тем самым ностальгию по прошлому. Эксплицитный читатель имеет возможность дискурсивно представить жизненно важные для оленеводов специфические детали исторически сложившегося быта, традиционное отношение к труду, патриархальные и вновь возникшие народные традиции. Он может мысленно увидеть беспокойную, хлопотливую и вместе с тем свободную, наполненную чудесами кочевую жизнь, которая представлена с любовью к северному краю. Просматривается тайное желание Вэллы включить в дискурс современную молодежь. Раскрывая символику и значимость быта и действий, автор подсказывает возможность использования их в жизненной практике, важность сохранения для будущих поколений.

Создавая смыслообразы, в частности, художественно представляя семью оленеводов в рассказе «Шай-ики», автор высвечивает характерные черты героев, их трудолюбие, умение хранить и воплощать в жизнь полученные от предков навыки и умения в создании материального хозяйственного мира. Особое внимание рассказчика-повествователя привлекают нарты. Это не только средство передвижения, их разнообразие – отражение жизненного уклада семейного стойбища. Каждая из нарт имеет свое название и назначение: Мужская повседневная рабочая нарта стоит первой, следующая в ряду — «стройная, высокая, аккуратная» нарта для поездки в гости, в посёлок сдавать пушнину или для участия в состязаниях; упряжь её отделана резными костяными украшениями. Повествователь, как видно, хорошо знающий оленеводческий уклад и уважительно к нему относящийся, замечает, что в очертаниях второй нарты он услышал звучание весёлой праздничной песни охотника и запальчивые крики погони на соревнованиях. Он даже почувствовал голос нарты: «Садись, прокачу!». Рассказчик-повествователь делится своим восприятием стоящих около хозяйского строения женских нарт, каждая из которых отличается и своей красотой, и своим

предназначением. Он лишь называет обычную повседневную нарту, определяя ее как устойчивую и «ходкую», уделяя значительное внимание праздничной, поразившей его своей красотой и изяществом: «Два передка её — словно пара первых весенних лебедей, тревожно вглядывающаяся в снежную круговерть капризного северного мая. Четырнадцать ножек из прочной берёзы — тонкие, стройные, похожие на ножки молоденьких оленят. Впереди две поперечины — выгнутые спины двух соболей. Мне захотелось подойти и погладить их ладонью. Нарта была застелена белой, как туман, оленьей шкурой. На ней должна сидеть только красавица. И тогда, кажется, нарта сама, без оленей, способна сорваться с места и унести в лесотундру вслед за вьюгой. Попробуй, догони!»

Эта нарта и размышления о ней, предположения становятся для повествователя судьбоносными: он влюбляется в дочь хозяина по имени Аринэ — красивую, умелую, трудолюбивую и получает от нее знак ответного чувства при отъезде. Девушка спрятала под оленью шкуру на нарте героя сверток, в нем он обнаружил качин — поясную сумочку для охотника, расшитую ярким орнаментом под названием «Ветка Молодой Берёзки», несущим весть о любви. Внутри качина были положены также спички, иголка с ниткой и совсем маленький отрезанный уголок девичьей шали. Порывистое сердце нашего повествователя в ответ на говорящий подарок ликовало: «Ах ты, радость моя, Аринэ, Аринэ! Ах ты, песня моя, Аринэ, Аринэ!».

Фольклор, который Вэлла собирал постоянно, стал неотъемлемой частью содержания как названного рассказа, так и многих других его произведений, пронизал их имплицитно и эксплицитно. Для него было важно не только сохранение фольклора, но и передача потомкам, широкому кругу желающих узнать о его народе, чтобы, согласно его словам, «в это зеркало мог заглянуть любой».

Юрий Вэлла нередко поэтизировал и трансформировал сюжеты народных сказок, создавая их авторские варианты. Так, на основе известной ненецкой сказки о кукушке он написал свою версию «О чём кукует кукушка», обозначив ее как сказку бабушки Ненги. Дискурсивно выстраивая сюжет как явление современной жизни, давая оценку содержанию мифологической сказки людьми иного времени, автор вводит в традиционный текст новых героев — мальчика Хылу и бабушку Ненги. Он знакомит с присказкой рассказчицы, которой та пробуждала

интерес к сказке. «У кого глаза зоркие, у кого уши чуткие, у кого руки ловкие, у кого ноги быстрые? Кто бы сел возле меня, чтоб слушать сказку, которую сказывала давным-давно моя бабушка?» — обращается бабушка Ненги и тут же находит слушателя, который оставляет свои дела-игры.

Мальчик Хылу, упорно овладевавший мужским мастерством — изготовлением дедовским ножом нарточек, услышав заманчивое предложение бабушки, прерывает свое занятие и бежит к ней, чтобы отправиться в мир грез и фантазий. А та с лукавой хитринкой в глазах, представляя свое детство, улыбается своим мыслям и начинает рассказывать сказку, приближая разными приемами содержание ее к реальности, как бы вписывая мальчика в сказочное время: «Давным-давно, в жаркий день, такой же жаркий, как сегодня, на берегу нашего живуна, только далеко-далеко в верховье, жила в берестяном чуме ленивая девочка с красивой мамой. — А они пасли оленей? — У них, конечно, как и у нас, наверное, были олени, но сказка не об этом».

Погрузив мальчика в атмосферу доброжелательности и сконцентрировав его внимание, бабушка Ненги рассказывала-пела трагическую историю о невнимательной к матери, непослушной и ленивой девочке, которая не принесла воды матери, занятой шитьем из меха нарядного тьянта — одежды для дочери. Мучимая сильной жаждой мать превратилась в кукушку и улетела, несмотря на запоздалые жалобные крики, обещания и слезы дочери. Закончив сказку, бабушка Ненги для проверки воздействия спетого-рассказаного пожаловалась, что ей жарко: «Даже язык к небу присыхать стал». Хылу предложил принести воды, на что та в ответ уточнила, чтобы принес он воду не из озера, а из речки — воды «бодрой и живой».

Вэлла раскрывает с помощью своего варианта сказки процесс народной педагогики ненцев с использованием фольклора, выделяя значимость его для воспитания нравственности у подрастающего поколения. Содержание самой традиционной сказки не только обрамлено приближением к современности, но и расцвечено метафорами, эпитетами, расширенным диалогом матери и дочери, подробным описанием постепенного превращения женщины в кукушку, наполнено большей трагедийностью, чем в оригинале.

Оленевод и охотник Айваседа собирал в музее под открытым небом раритеты прежней жизни не только ненцев, но

и ханты, при этом сам мастерски владел умением изготавливать нарты и охотничье снаряжение, владел знаниями предков и использовал в жизни, увлекая своим примером, а творец Вэлла привлекал внимание широкого читателя в своих произведениях к издревле бытующему у ненцев мастерству, к высоко развитой наблюдательности. Он сочинял, например, загадки в духе народных представлений, опираясь на фольклорные сравнения и метафоры. При этом использовал диалог, жанр побасенки, чтобы понять содержание, как загадки, так и разгадки мог любой читатель, даже далекий от оленеводческого быта, от жизни ненцев.

«Вот моя загадка:

— Что бы это такое было: карась — а у него семь ребер?

— Лодка.

— Лодка для одиночки.

— Так и скажи, что облас!

— У правильного обласа всегда семь поперечин.

— Так оно и есть!»

Следует отметить, что для повседневной речи ненцев свойственно использование приема загадок, склонность к таинственности, наиболее часто проявляющаяся при общении с гостями и с детьми.

Вэлле было присуще тонкое чувство жизни природы. Так, антропологически представленная природа в размышлениях о Родине — эссе «Вся Родина» — способна вызвать сочувствие, привлечь внимание и заботу о ней. Перед читателем возникает миф-сказка о тундровом крае, о его одушевленной, наполненной мистицизмом природе. Возможно, именно мистицизм как мироощущение потребовал создания мифа для своего выражения, чтобы с его помощью выразить специфическое восприятие окружающего мира. Лирический герой, уподобляя себя олененку, сравнивает себя с ним — «как тот олененок» вспоминает «повёрнутый к солнцу тундровый бугор, говорливый ручей по оврагу и огромную чёрную яму, заросшую травой и тальником-ерником» и представляет себе картины образования и этого тундрового бугра, и этой черной ямы. Изначально он видит лежащий веками на поверхности тундры огромный камень, вокруг которого протекает активная жизнь: растения рассматривают его и пытаются вести с ним игру, так, «румяная морошка, бойко подбоченясь и наклонив голову» хочет определить его высоту, а стебель травы-пырея стремится

дотянуться до камня, чтобы пощекотать его холодный бок. Птицы тоже не оставляют камень своим вниманием: птенец трясогузки, важно вышагивая по камню, оставляет метки, чтобы весной, вернувшись на родину, не перепутать с другим; птенчик не замечает парящего над «мирной тундрой» орла, зорко высматривающего добычу. Но трагедию для окружающего лирический герой видит не в охоте орла, а в том, что, вероятно, однажды камень перевернули, и надломленный стебель травы-пырея «закричал», раздавленный глаз морошки «разлился слезой», а трясогузка, не найдя своих меток, улетела «умирать на чужбину». Так на месте лежавшего камня вытаяла в вечной мерзлоте яма, пустота которой и зияет незаживающей раной в воспоминаниях то ли лирического героя, то ли эксплицитного автора.

Обращение к текстам и биографии убеждает, что сохранение древних традиций, забота о природе родного края были среди важнейших задач, которые решал общественный деятель Айваседа и отразил в творчестве Юрий Вэлла. Кажется, что для него проблема сохранения природы была некоей интуитивной установкой, воспринимающей внешнее через внутреннее.

На рубеже веков и третьего тысячелетия Юрий Вэлла представил читателю своеобразный и еще достаточно таинственный мир северян. Его творчество, а также оценка культуры и цивилизации, прозвучавшие в одном из интервью, приоткрывают специфику мировидения ненцев: «Литинститут дал мне интеллект, дал главное — понимание ценности стойбищной цивилизации. Я литинститутскими глазами оглянулся на стойбищную жизнь и стал понимать, что это цивилизация, а не как раньше говорили — первобытно-общинный строй, от которого надо уходить, переводить коренных жителей на оседлый образ жизни» [1].

Список литературы и источников

1. Вэлла — поэт, оленевод, человек. Интервью Ольги Корниенко к 60-летию. «Мир Севера», 2008. Интернет-вариант.